
Е. М. АСТАФЬЕВА

БРИТАНСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МАЛАЙЕ И СИНГАПУРЕ

Статья посвящена анализу влияния британского колониализма и, в частности, привнесенной им расовой теории на формирование межнациональных отношений в Британской Малайе и Сингапуре, частью которой он являлся. До середины XIX в. межэтнические отношения между азиатскими народами в Британской Малайе находились во власти определенных стереотипов и случайных вспышек враждебности, но все же возможность для определенных межэтнических альянсов и культурного взаимопроникновения существовала. Британский колониализм посредством неограниченной иммиграционной политики создал неустойчивый демографический баланс среди значительно различающихся культурных групп. Внедренный британской колониальной администрацией структурированный расой социально-экономический порядок сеял страх и недоверие среди малайцев, китайцев и индийцев.

Ключевые слова: колониализм, расовая теория, социально-экономическая и политическая стратификация, Британская Малайя, Сингапур, малайцы, китайцы, индийцы, Вторая мировая война, японская оккупация.

С того самого момента, когда в 1819 г. Стэмфорд Раффлз основал в Сингапуре торговый форпост Английской Ост-Индской компании, превосходство белого человека, – как писал в своих мемуарах Ли Куан Ю, – не вызывало сомнений. К 1930 г. в Сингапуре проживало примерно восемь тысяч англичан, и все они были «боссами», кто-то из них занимал важные должности, кто-то – менее важные, но все они вели «совершенно превосходный образ жизни и жили отдельно от азиатов» в лучших районах, в больших домах, имели автомобили с водителями и множество слуг. Они хорошо питались, каждые три года уезжали в Англию, чтобы восстановить здоровье, подорванное климатом Сингапура, и отправляли своих детей «домой», в Туманный Альбион, для получения образования, а не в сингапурские школы (Lee Kuan Yew 1998: 50).

*Историческая психология и социология истории 2/2019 74–86
DOI: 10.30884/ipsi/2019.02.04*

Превосходство как статус британцев в правительстве и обществе было просто фактом жизни, при этом «людьми второго сорта» считались не только азиаты, но и евразийцы (Morrison 1994: 88). Вопросу возникновения этого статуса и его влиянию на дальнейшее постколониальное развитие бывших британских владений, в частности Сингапура, будет посвящена эта статья.

* * *

До середины XIX в. межэтнические отношения между азиатскими народами в Британской Малайе, частью которой являлся Сингапур, находились во власти определенных стереотипов и случайных вспышек враждебности, но все же возможность для определенных межэтнических альянсов и культурного взаимопроникновения существовала. Британский колониализм посредством неограниченной иммиграционной политики создал неустойчивый демографический баланс среди значительно различающихся культурных групп (Comber 1983; Freedman 1960: 158–168). Колониальная система принесла с собой европейскую расовую теорию и внедрила структурированный расой социально-экономический порядок (Hirschman 1986: 330), сея страх и недоверие среди малайцев, китайцев и индийцев (Cham 1977: 178–199; Loh 1975; Stenson 1980).

В конце XIX в. в Британской Малайе произошел качественный сдвиг в межэтнических отношениях и идеологии. Конечно, и раньше – до прихода европейцев – существовали межэтнические разногласия и определенные этнические стереотипы, но в то же время были свидетельства аккультурации, примеры создания (при определенных условиях) неких межэтнических коалиций¹. Однако начиная с середины XIX в., по мере географического и институционального расширения господства колониализма и привнесенной им европейской теории расизма, условия для межэтнического взаимодействия ухудшились (Hirschman 1986: 331–332).

В тот период европейская мысль о расе претерпела радикальные изменения, отчасти вследствие развития «научной теории о человеческом разнообразии» и увеличивающегося разрыва в технологическом прогрессе между европейскими и неевропейскими обществами. Европейские интеллектуалы пытались расширить линнеевскую

¹ Например, *баба* (местные китайцы) Пенанга и Малакки сохранили свою китайскую идентичность, но приняли много аспектов малайской культуры.

классификационную систему зоологических типов фенотипической вариации человечества; смысл «расы» начал переходить от относительно общего термина к более узкой классификации биологически определенного подвида, с конкретными предположениями о наследовании культурных предрасположенностей и потенциале развития. Эти идеи приобрели солидную научную репутацию (позже дискредитированную) с применением теории эволюции к происхождению различных рас. Таким образом, расовая теория вкупе с технологическим превосходством белых (особенно британцев) стала оправданием необходимости распространения и поддержания прямого колониального господства в малайских государствах (Hirschman 1986: 341–342).

К малайцам британские колонизаторы относились с позиций патернализма, что в социальном плане подразумевало относительное бессилие субъекта. После 1874 г. малайцы были разоружены в прямом и переносном смысле. Малайская элита была куплена пенсиями и признанием в качестве номинальных правителей страны. Суждения британцев о малайцах были неоднозначны, но все же в большей степени сводились к тому, что они не обладают такими же интеллектуальными способностями², как другие расы, и склонны к лени³. Вероятно, это было своего рода обоснованием патерналистской политики колониальных властей, заботящихся о тех, кто не в состоянии управлять собственной страной и выполнять работу в целях развития колониального хозяйства на каучуковых плантациях и оловянных рудниках – малайское население не желало там работать. Малайцы предпочитали заниматься сельским хозяйством, лишь изредка подрабатывая кустарным производством каучука. Однако, как писал Махатхир Мохамад, это на длительный период обрекло население Малаккского полуострова «на отход от магистрального пути развития». Малайцы все более отдалялись от современной цивилизации, «у них слабело желание пользо-

² Например, Джон Кроуфорд, колониальный администратор, который работал с С. Раффлзом на Яве и был одним из первых губернаторов Сингапура, в своей двухтомной истории индийского архипелага дает этнографический отчет об этом регионе. С одной стороны, он защищает туземцев от обвинений в лени, а с другой – не очень лестно высказывается об их интеллектуальных способностях (Crawford 1820: 42–43, 45–46).

³ Впоследствии эту «леность» некоторые ученые объясняли нежеланием азиатов работать на белых, что было вызвано низким уровнем экономической выгоды. Другие точки зрения были основаны на экологических и социальных факторах.

ся ее плодами, приобретать новые навыки и знания» (Махатхир Мохамад 2015: 79).

Решением проблемы нехватки рабочих рук стали рабочие из Китая и Индии. Отношение европейцев к китайцам было двойственным. Китайские рабочие и предприниматели всегда проявляли чрезвычайную решимость и настойчивость, вызывая при этом смешанные чувства у европейцев, уважающих, с одной стороны, их работоспособность и высмеивающих их алчность – с другой. Таким образом, патерналистская политика и снисходительное отношение были совершенно неприменимы к китайскому населению, и европейцы развили к большинству китайцев «чувство негодования и враждебного восхищения» (Hirschman 1986: 347). Китайские *конгси*⁴ вели между собой постоянное соперничество. Тайные китайские общества занимались вымогательством у богатей, содержали подпольные игорные дома, опиумные курильни и бордели (Махатхир Мохамад 2015: 79).

Индийцы же были для большинства европейцев источником дешевой и послушной рабочей силы, особенно по сравнению с китайцами, которые считались слишком независимыми. Сами же британцы, впрочем, как и все европейцы того времени, считали себя выше азиатов во всех отношениях – имперская идеология противопоставляла неспособных туземцев и способных англичан.

В основе расовой политики в колониальной Малайе лежали не только идеологические моменты, большое влияние на ее формирование оказал сам «дух империализма». Безусловно, утверждать, что межэтнических конфликтов между малайцами, китайцами и индийцами не было бы в том случае, если бы европейский колониализм не коснулся Юго-Восточной Азии, нельзя. Главные вопросы в том, изменила ли структура ограничений и возможностей, сформированных в колониальном праве, первоначальные различия; чем стала идеология, объявляющая этническое неравенство неизбежным признаком расовых различий. Отвечая на эти вопросы, можно сказать, что неучастие малайцев в наемном труде, отсутствие малайского предпринимательства и проблема малайско-китайского антагонизма частично были побочными продуктами институциональной основы колониального периода, а не просто неизбежным результатом культурных различий (Hirschman 1986: 349).

⁴ Конгси – организации китайских иммигрантов, создаваемые китайскими кланами.

Если обратиться к анализу внутренней политики британских властей в колониальной Малайе, то можно с уверенностью сказать, что она была направлена на сохранение традиционного малайского общества. Наиболее показательным в этом плане является отношение британской администрации к образованию, которое рассматривалось как механизм социального обеспечения, а не социальной мобильности, что в полной мере удовлетворяло потребности малайской аристократии, заинтересованной в сохранении населением лояльности и уважения к феодальным властям. Колониальные власти усугубили классовые различия в малайском сообществе, введя элитное обучение для детей благородного происхождения (Roff 1967: Ch. 4), при этом для широких масс малайского населения английский язык считался нежелательным компонентом в образовании (*Ibid.*: 136).

Вообще вплоть до начала XX в. колониальная администрация не уделяла особого внимания проблеме образования – Закон об образовании был введен только в 1902 г., а в 1909 г. организован Совет по образованию. Проводимая образовательная политика способствовала стратификации общества, поскольку на должности в государственной службе можно было рассчитывать только после получения английского образования. Таким образом, после обучения в китайской школе человек имел возможность продвижения только в китайском секторе. В еще худшем положении оказывались выпускники начальных малайских и тамильских школ, если они не продолжали свое обучение на английском языке (Тюрин, Цыганов 2010: 97). Что касается высшего образования, то, по мнению властей, для «общего блага» не стоило содействовать массовому получению местным населением высшего образования. Объяснение этому довольно простое – англичане просто были не готовы делиться властью с «азиатами».

По мере развития колониального общества перспективы участия малайцев в наемном труде не улучшались, поскольку в сфере плантационного и горнодобывающего секторов, где наблюдалось постепенное повышение уровня заработной платы, существовал постоянный приток иностранной рабочей силы из Китая и Индии. Административными и торговыми центрами в Британской Малайе были прежде всего городские районы. Административное управление находилось в руках британцев при минимальном участии малайской элиты, а торговля стала прерогативой китайцев и индийцев. Ни колониальное правительство, ни малайская аристократия не вме-

шивались в сложившуюся систему разделения сфер труда. По мере развития колониальной администрации в XX в. немногим образованным малайцам удавалось найти работу на низших уровнях государственной службы или заняться преподавательской деятельностью. Эти позиции были низкооплачиваемыми, но обеспечивали безопасность и высокий статус в колониальном обществе (Hirschman 1986: 352–353). Таким образом, можно сделать вывод о том, что колониальное господство увеличило социальную и культурную дистанцию между малайцами и другими этническими группами.

Очевидно, что в колониальный период для межэтнического взаимодействия было очень мало возможностей. Более того, отказавшись признать китайских и индийских жителей полноправными членами общества, то есть не предоставив им полноценные гражданские права, колониальная администрация усилила малайские ксенофобские настроения. Этнические общины оказались физически и социально изолированными. Рудники и плантации были почти полностью заселены китайскими и индийскими рабочими, а земельная политика препятствовала проникновению китайцев и индийцев в натуральное сельское хозяйство. Согласно закону о резервировании земель, только малайцы имели право пользования этими землями. Им было предложено оставаться в сельской местности. Даже в городах, где существовал потенциал для межэтнических контактов, жилые районы, рыночные места и места для отдыха, как правило, были разделены по этническому признаку. Хотя, возможно, различные этнические группы традиционно предпочитали общение в рамках собственного сообщества, колониальные власти не сделали ничего, чтобы стимулировать движение к объединению общества.

Подавляющее большинство детей посещало национальные школы, которые были этнически однородными. Образование в колониальной Малайе не было направлено на получение общих знаний или овладение одним языком. Более того, британцы способствовали убеждению, что китайцы, независимо от продолжительности проживания в стране, не принадлежат к местному обществу, и только малайские аристократы и их колониальные советники имеют полное право на политические и административные посты в государстве.

Политика колониальных властей, направленная на стратификацию общества, привела к тому, что в Сингапуре сформировался довольно обширный сегмент китайского населения, не интегриро-

ванного в колониальную систему. Представители этого населения получали образование в китайских школах у учителей, приехавших из Китая, не признавали верховенства белых, потому что их не воспитывали в духе признания «великой миссии Британской империи».

Все обычные критерии социальных достижений в конце XIX – начале XX в., такие как способности, образовательный уровень и личные качества, отвергались, а единственным критерием для продвижения к высшим сферам колониальной административной службы и европейского делового мира стала расовая принадлежность. Но все же с течением времени социальная база аккультурированных англоязычных азиатов расширялась, появились те, чьи полномочия были не меньше, чем у большинства европейцев (Butcher 1979). Некоторые представители местной знати были удостоены чести общения с «белыми господами», они были назначены неофициальными членами Исполнительного совета губернатора или Законодательного совета. Их фотографии с женами появлялись в газетах, они посещали европейские вечеринки, а иногда и обеды в Правительственном доме. Некоторых посвящали в рыцари, а другие надеялись, что после долгой и верной службы они тоже будут удостоены этой чести. Они находились под покровительством белых чиновников, но принимали этот статус с апломбом, поскольку считали себя выше своих собратьев-азиатов (Lee Kuan Yew 1998: 50).

Большая разница в оплате европейцев и азиатов на государственной службе также способствовала сохранению социальной дистанции, которая заморозила отношения между начальством и подчиненными. «Идеология присущих различий», другими словами – расизм, стала оправданием устоявшегося неравенства.

В среде азиатских интеллектуалов колониальная идеология и экономическая система вызывали глубокое негодование и враждебность⁵. Однако не все были недовольны сложившимися обстоятельствами, например, малайская аристократия, получая довольно приличные пенсии, сохраняла фикцию малайского суверенитета. А поскольку колониальное правительство никогда не воспринимало китайцев в качестве постоянных жителей страны и часто ставило под сомнение их лояльность, неудивительно, что малайские

⁵ О происхождении малайского национализма среди школьных учителей см.: Roff 1967: Ch. 5.

элиты (и массы) также полагали, что китайцы не должны считаться равными им в политических правах.

Для китайской и (в меньшей степени) индийской общины колониальная система имела свои плюсы и минусы. С одной стороны, многие китайцы получили значительные выгоды в экономическом плане, но с другой – они были недовольны своим маргинальным положением в политической жизни. Их взаимоотношения с малайской общиной были напряженными, а в связи с тем, что малайская элита практически лишилась реальной власти, аккультурация и смешанные браки уже не могли быть путем достижения социальной мобильности (Hirschman 1984: 106–122).

Четко следуя своей политике «разделяй и властвуй», колониальная администрация управляла разрозненным обществом, пытаясь сохранить малайскую феодальную социальную структуру в сельской местности и «временное» иммигрантское население, работающее на шахтах, плантациях и в городах. На вершине этой несбалансированной структуры находились европейские элиты, которые правили и получали огромные экономические выгоды. Все действия и слова колониальной администрации являли собой прямое отражение идеологии расовых различий. Несмотря на то что в официальных отчетах это никогда напрямую не отражалось, основная философия сводилась к следующему: «С точки зрения рабочей силы существуют три расы: малайцы (в том числе яванцы), китайцы и тамилы (клингс). По своей природе малайский человек бездельник, китаец – вор, а клинг – пьяница, но каждый в своем кластере работы дешев и эффективен при правильном управлении» (Warnford-Lock 1907: 31–32).

Эта идеология, распространявшаяся через социальную организацию колониального общества, глубоко проникла в сознание большинства «азиатов». Даже если «азиаты» отвергали предположения о «белом превосходстве» и стереотипах их собственной этнической общности, они были склонны принимать необоснованные обобщения врожденных расовых различий в отношении других общин.

К началу Второй мировой войны Британская Малайя представляла собой весьма сложный организм под единым управлением английского губернатора в Сингапуре, функционирующий в рамках трех типов колониальных владений и семи систем управления, а именно: Стрейтс-Сетлментс, Федерации малайских государств (ФМГ) и пяти Нефедерированных малайских государств (НМГ).

В Малайе сформировалось полиэтническое население, при этом китайская, малайская и индийская этнические группы занимали свои ниши и практически не контактировали друг с другом. Это была страна контрастов – развитых и густонаселенных городских районов и сельских районов с традиционным укладом, высокоразвитого в инфраструктурном плане западного побережья и отсталого восточного (Тюрин, Цыганов 2010: 144). А к концу 1930-х гг. колониальные власти вообще растеряли былой пыл «строителей империи».

Начало Второй мировой войны в сентябре 1939 г. оказало молниеносное влияние на Британскую Малайю. В стране начался новый экономический бум, вызванный повышением спроса на стратегические материалы – олово и каучук. Повысился уровень занятости населения. Однако недовольство низким уровнем заработной платы привело к росту забастовочного движения под руководством КПМ и профсоюзов. С октября 1939 г. по сентябрь 1940 г. в Малайе прошло свыше 150 забастовок. 1 сентября 1940 г. массовая демонстрация прошла в Сингапуре (Blascheke 1949: 11).

С середины 1940 г. все более явной становилась угроза британским владениям в Юго-Восточной Азии со стороны Японии, тщательно готовившейся к нападению. Японцы проводили у берегов Малайи учения и морские маневры, страну наводнили японские шпионы (Тюрин, Цыганов 2010: 152).

Оплотом безопасности своих владений в регионе Британия считала сингапурскую военно-морскую базу, которую начали сооружать еще в 1923 г., официальное ее открытие состоялось 14 февраля 1938 г., однако окончательно она была построена только к 1941 г. (Miller 1942: 123). База была оборудована по самым высоким техническим стандартам того времени, для ее обслуживания был построен отдельный водопровод из Джохора (Charhecar 1960: 23–24). Располагалась она на северной оконечности острова и не была защищена от удара вражеских сил со стороны Малайи, что снижало ее значение в случае высадки японцев в районе перешейка Кра, однако британские военные не допускали (за редким исключением) такого развития событий. Второй причиной, по которой надежды Британии на базу не оправдались, стало поражение Франции в ходе Второй мировой войны, что вынудило Англию сосредоточить все силы в Европе и Северной Африке.

Шла война, но Сингапур жил своей жизнью, следствием экономического бума стала нехватка рабочих рук. Губернатор Синга-

пура Шентон Томас отказался предоставить рабочих для строительства оборонительных сооружений, сославшись на приоритет «развития мирной экономики» (Swinson 1970: 33). Британские власти весьма оптимистично оценивали свое положение, рассчитывая, что Япония в первую очередь нападет на СССР, а никак не на Малайю. В своем стремлении не раздражать Японию власти продолжали преследовать коммунистов, несмотря на то, что еще в сентябре 1940 г. КМП отказалась от своих антибританских действий и предложила сотрудничество властям в рамках Антияпонского мобилизационного комитета заморских китайцев (Тюрин, Цыганов 2010: 155).

Первые японские бомбы упали на Сингапур 8 декабря 1941 г. Уничтожив американский флот в Перл-Харборе, японские войска высадились на восточном побережье Малаккского полуострова и начали стремительное продвижение. Британцы теряли свои позиции одну за другой.

Больше всего поражают непрофессионализм и беспомощность военных и гражданских властей Британской Малайи, непоколебимо уверенных в неприступности Сингапура. Несмотря на тревожные сообщения в прессе о продвигающихся к берегам Камбоджи в направлении Таиланда и Малайи транспортных кораблей Японии, никаких действий, кроме объявления «готовности первой степени», британской администрацией предпринято не было.

Началом конца британского владычества стал захват 60-тысячной японской армией Малайи и Сингапура, которому пытались противостоять 130 тысяч британских, индийских и австралийских войск. За 70 дней британское колониальное общество было разрушено, а вместе с ним и догмы о превосходстве англичан и их расовой теории. «Британцы так убедительно создали миф о присутствии им превосходстве, что большинство азиатов считали безнадежным бросить им вызов. Но теперь одна азиатская раса осмелилась бросить им вызов и разбить этот миф» (Lee Kuan Yew 1998: 50).

16 декабря 1941 г. колониальная администрация покинула Пенанг, оставив азиатов на произвол судьбы. Отступая, британские войска уничтожили все, что смогли. 15 февраля 1942 г., после шестинедельной осады, Сингапур сдался генерал-лейтенанту Ямасите Томоюки.

Британская армия сдалась. Местная полиция самораспутилась. На несколько дней в Сингапуре воцарилось беззаконие. Японцы быстро восстановили порядок, расстреляв на месте и обезглавив

нескольких мародеров. Подавив беспорядки, японцы сами отправились за добычей. Начались «зачистки» среди китайского населения Сингапура. Только с 18 по 22 февраля 1942 г. было убито 6 тысяч молодых китайцев. После войны комитет Китайской торговой палаты эксгумировал множество массовых захоронений в Сиглапе, Пунголе и Чанги. По разным оценкам, число убитых составило от 50 тыс. до 100 тыс. человек (Lee Kuan Yew 1998: 54).

Китайское население Сингапура подвергалось особенно жестоким репрессиям. Однако, создавая видимость покорности, представители средних слоев и даже значительная часть богатых слоев китайской этнической группы оказывали противодействие японским оккупантам. Несколько тысяч человек, подозреваемых в помощи британцам или оказании финансовой помощи Китаю, просто исчезли. Операции «зачистки» возымели свое действие на остальное население, вынужденное принять японский контроль и поддерживать пассивный нейтралитет по отношению к новой колониальной администрации. Для одних этот нейтралитет означал «молчаливое несогласие», для других – согласие с «новым порядком». Было много людей, которые сотрудничали с японцами, стараясь каким-то образом выжить. Некоторые из них становились доносчиками в кэмпэйтэй (военная полиция) или были набраны как военнослужащие Хэйхо.

Все европейцы, за исключением немцев или граждан нейтральных держав, были помещены в лагеря. Некоторые евразийцы, особенно те, которые «выглядели европейцами», также были заключены в тюрьму. Индийцам было предложено вступить в войну против Великобритании, участвуя в Движении за независимость Индии и вступая в Национальную армию. Малайцы, воспринимаемые как коренные жители Сингапура, были обеспечены должностями в гражданской службе и паравоенными званиями, которых они раньше не имели, а малайские националистические движения на Яве и в Малайе получили значительную поддержку. Многие индийцы были охвачены энтузиазмом освобождения Индии от британского колониализма. Под руководством националиста Субхаса Чандры Боса и при содействии японцев была создана Индийская национальная армия для борьбы за свободу Индии. Однако четкой политики по отношению к этническим общинам в условиях войны у японской военной администрации не было.

Из-за голода и нищеты, поразивших население Сингапура, к 1943 г. остров покинуло несколько тысяч человек: кто-то уехал

сам, в то время как евразийцев и китайцев-христиан японская администрация переселяла насильно.

К началу 1945 г. стало очевидно, что падение «Зоны процветания Большой Восточной Азии», которую хотели создать японцы, – это вопрос времени. Когда известия об американской ядерной бомбардировке Японии и последующей капитуляции распространились по всему острову, из-за значительного японского контингента в Сингапуре воцарилось некое «дипломатическое молчание» (Morrison 1994: 91). Император Японии объявил о капитуляции 15 августа 1945 г., но новость об этом не появлялась на страницах газеты *Syonan Shimbun* до 20 августа, когда был опубликован весь «Имперский рескрипт». Война закончилась для Сингапура без дальнейших боев, однако англичане не возвращались на остров еще в течение трех недель. Положение было неестественным. Японские войска не были побеждены и деморализованы в бою, но в их рядах распространялось уныние и смятение. Многие японские офицеры совершили ритуальное самоубийство – харакири. Надо отдать должное японским военным: подчиняясь приказу императора и соблюдая военную дисциплину, они не терроризировали больше мирное население Сингапура.

В начале сентября 1945 г. британские войска вернулись в Сингапур и состоялась официальная капитуляция японских войска лорду Луи Маунтбеттену.

Однако война и принесенные ею тяготы и лишения стали своеобразным катализатором осознания населением Сингапура своей принадлежности, другими словами, формирования сингапурской идентичности. Население страны, уже к концу 1930-х гг. состоявшее по большей части не из китайских иммигрантов, а из их потомков – местных уроженцев, в годы японской оккупации начало ощущать себя именно сингапурцами, а не «местными китайцами» (*баба*) или «заморскими китайцами» (*хуацяо*) (Тюрин, Цыганов 2010: 172).

Литература

Махатхир Мохамад. 2015. *Мемуары четвертого премьер-министра Малайзии*. Т. 1. М.: МГИМО-Университет.

Тюрин, В. А., Цыганов, В. А., 2010. *История Малайзии, XX век*. М.: ИВ РАН.

Blascheke, W. 1949. *Freedom for Malaya*. Sydney.

Butcher, J. G. 1979. The British in Malaya 1880–1941. *The Social History of a European Community in Colonial Southeast Asia*. Kuala Lumpur: Oxford University Press.

Cham, B. N. 1977. Colonialism and Communalism in Malaysia. *Journal of Contemporary Asia* 7: 178–199.

Chaphcar, S. G. 1960. *A Brief Study of the Malayan Campaign 1941–42*. Poona.

Comber, L. 1983. *A Historical Survey of Sino-Malay Relations*. Kuala Lumpur: Heinemann Asia.

Crawford, J. 1820. *History of the Indian Archipelago*: 2 vols. Edinburgh: Archibald Constable.

Freedman, M. 1960. The Growth of the Plural Society in Malaya. *Pacific Affairs* 33: 158–168.

Hirschman, C.

1984. Ethnic Diversity and Social Change in Southeast Asia: Some Preliminary Thoughts. In Morse, R. (ed.), *Southeast Asian Studies: Proceedings of a Conference at the Wilson Center March 26*. Washington, DC: University Press of America.

1986. The Making of Race in Colonial Malaya: Political Economy and Racial Ideology. *Sociological Forum* 1(2): 330–361.

Lee Kuan Yew. 1998. *The Singapore Story. Memoirs of Lee Kuan Yew*. Singapore: Singapore Press Holdings, Times Editions.

Loh, P. F. S. 1975. *Seeds of Separation: Educational Policy in Malaya 1874–1940*. Kuala Lumpur: Oxford University Press.

Miller, E. 1942. *Strategy at Singapore*. New York.

Morrison, J. H. 1994. Japanese Occupation of Singapore. *Canadian Oral History Association Journal* 14: 92–95.

Roff, W. 1967. *The Origins of Malay Nationalism*. New Haven, CT: Yale University Press.

Stenson, M. 1980. *Class, Race, and Colonialism in West Malaysia: The Indian Case*. Vancouver: University of British Columbia.

Swinson, A. 1970. *Defeat in Malaya: the Fall of Singapore*. London.

Warnford-Lock, C. G. 1907. *Mining in Malaya for Gold and Tin*. London: Carwithers and Goodman.